Творческие работники о театре

Сердечно приветствую замечательное театральное учреждение, которое столько лет с честью носит имя одного из самых значительных людей советской сцены. Пятнадцатилетие — юбилей молодости, и пройденный за это время путь — отличный показатель разнообразных сил и гибких возможностей театра. С тем большим правом наше общество будет ждать от театра новых достижений, где не только с прежним блеском и четкостью, но и с должной глубиной и емкостью образов раскроется содержание наших героических будней.

Мне доставляет особую радость и воспоминание о нашей совместной работе над «Барсуками». Мое крепкое рукопожатие товарищам Захаве, Шукину, Горюнову, Алексеевой, Миронову, Журавлеву, Шухмину, Москвину, Кузе, Толчанову, Кольцову, Рапопорту и всем другим, кто с такой преданной выразительностью помог мне увидеть мои образы на сцене вахтанговского театра.

Леонид ЛЕОНОВ.

26 октября 1936 г.

* * *

Мои любимые спектакли в театре Вахтангова: «Егор Булычев», «Принцесса», «Конвертиа и любовь». Много шума из ничего», «Аристократы», «Интервенция».

Спектакли нелюбимые: «Достигаев», «Шинель», «Трус», «Гамлет», «Далекое», «Человеческая комедия».

Внутри нелюбимых спектаклей есть любимые вещи: в «Человеческой комедии» — сцена у моста, в «Гамлете» — лестница, в «Далеком» — сцена в лесу.

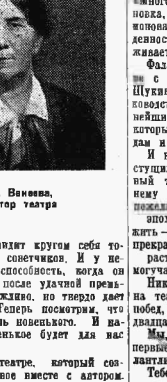
Точно также внутри любимых спектаклей есть моменты, когда закрываешь глаза и ждешь, чтобы они скорей прошли.

Наблюдая все это, не можешь не прийти к заключению, что в театре Вахтангова есть две тенденции, две силы, противоположные друг другу по всему своему отношению к искусству.

Неестественность положения состоит в том, что эти силы не борются друг с другом, а как бы работают по очереди. Один спектакль — я, другой — ты. Этот кусок — ты, а следующий — я.

Всякий, кто любит театр Вахтангова и относится к его работе со страстным интересом, не может не пожелать сиу, чтобы эти две силы вышли из состояния искусственного равновесия и бросились друг на друга, — с тем, чтоб неровная зигзагообразная линия судьбы театра Вахтангова превратилась в сплошную сверкающую восходящую линию побед.

Л. СЛАВИН.



Е. Н. Ванова, директор театра

* * *

Вахтанговскому театру я глубоко благодарен за прекрасную работу над пьесой «Далекое».

Но только — пьеса не все. Для меня важнее отношение театра к автору.

В театре ставился Олеша. Сейфуллина, Славин, Погодин, Лежов, но они не сжились с театром, не остались в нем, разбрелись по белу-свету одиночками.

Почему так? Потому что

— в театре больше интереса к пьесе, чем к автору.

— в театре автора встречают с жадностью, а провожают вежливыми улыбками, слегка утомленного поздним гостем, хозяина.

В театре автор чувствует—«вот это твое, авторское, а вот это наше—вахтанговское, а ты нам не нужен, но поуть».

— курсы симпатий к автору иногда колеблются от репетиции к премьере, от премьеры к репетиции, от решений к мнениям уважаемых критиков.

А автор — еще и человек. И как всякий человек он радостнее и лучше работает, когда видит кругом себя товарищей, друзей, советчиков. И у него падает работоспособность, когда он видит, что даже после удачной премьеры — театр вежливо, но твердо дает почувствовать: «Теперь посмотрим, что ты нам принесешь новенького. И насколько это новенькое будет для нас интересно»...

Я мечтаю о театре, который создавал бы это новое вместе с автором. Вместе с ним искал и работал, и чтобы автор, входя в театр, чувствовал себя каким то членом театральной семьи, как любой актер, режиссер или осветитель.

И чтобы не только удачи автора, но и провалы его поражений были близки сердцу театра.

У театра должен быть свой, не единственный—о, далеко нет, но именно свой автор. Вот мое дружеское пожелание дорогому юбиляру в вечер его славного пятнадцатилетия.

А. АФИНОГЕНОВ.

* * *

Прежде всего с предельной искренностью мне хочется сказать: я очень люблю вахтанговский театр, считаю его одним из самых замечательных советских театров. Я люблю и вахтанговцах ту необычайную радостность, которой они пронизывают свои спектакли, их необычайное ощущение молодости и жизни, их тонкий и умный юмор.

Дважды мне довелось работать с вахтанговцами: над пьесой В. Катаева «Дорога цветов» и над радиокомпозицией по Пекспиру «Как вам это понравится». Особенно о второй из этих работ я вспоминаю всегда с большой радостью и удовлетворением. Замечательный состав актеров (главные роли играли Шукин, Горюнов, Бубнов, Мансурова и Попова). Умная и талантливая режиссура Горюнова сделали, с моей точки зрения, эту радиокомпозицию одной из лучших работ по радио. Мне, как композитору, эта работа дала очень многое. Вахтанговцы заразили меня своей жизнерадостностью, своим замечательным юмором. Они помогли мне найти много новых красок, обогатили, как мне кажется, мой музыкальный язык.

Я желаю вахтанговцам, создавшим много незабываемых спектаклей, — успешной и плодотворной работы, дающей всем вам большую радость.

Дм. КАБАЛЕВСКИЙ.

1 ноября 1936 г.

* * *

На новые высоты

Пятнадцать лет жизни театра—замечательная дата. В годы революции возникало и исчезало не мало театров, умелели же и окрепли немногие. Среди них—юбиляр.

Он стал одним из любимых советским зрителем театров.

Зритель, искренне любящий наш советский театр, с глубоким интересом, а иногда с ревнивой следит за победами и срывами театра имени Вахтангова.

За последние годы театр был последовательно могучим двигателем великого писателя страны советов А. М. Горького и дал нам замечательные работы «Егор Булычев» и «Достигаев».

По наряду с этим тревожило наличие в театре шатания, бега на месте. Достижения в целом были ниже, слабее, чем мог ожидать от него любящий его зритель.

И тем более отрадна свежая, красочная, немного озорная улыбка театра—«Много шума из ничего». Эта постановка, в которой блещут таланты Симонова и Мансуровой, укрепляет убежденность в том, что театр активно изживает симптомы вялости и замкнутости.

Фаланга прекрасных актеров во главе с огромным актером современности Шукиным, умное художественное руководство и режиссура — это крупнейшие данные, накопленные театром, которые обязывают к серьезным победам и одолениям.

И вам умный, с каждым днем растущий зритель, любящий талантливый театр имени Вахтангова, идет к нему в дни юбилея с требованиями и пожеланиями.

Эпоха, в которую мы имеем счастье жить — величественна, могущественна, прекрасна.

растет и цветет радостью наша могучая любимая родина СССР.

Никто еще пока не сумел отразить на театре всего величия Сталинских побед, с которыми СССР приходит к двадцатилетию Великого Октября.

Мы, ждем, что Вы, вахтанговцы, первые сделаете это сильно, ярко, талантливо, умно.

Тебе, театру имени Вахтангова, много дано Великой пролетарской революцией, заботами партии, заботами великого учителя трудящихся всего мира товарища Сталина.

И мы хотим видеть тебя на новых высотах творческих достижений.

Наше великое, мудрое строительство — социалистическое — не терпит Отстающему — плохо.

Вахтанговцы, не опаздывайте побеждать.

Искренне, от всей души желаю театру-юбиляру больших дерзаний и побед.

В. ПЛЕТНЕВ.

Горячо поздравляю театр с пятнадцатилетием его существования. Я очень рад, что работал в постановке такой вещи, которая к юбилейному году принесла театру большую победу. Для меня вообще работа в драматическом театре является фундаментом, на котором сейчас я строю здание—оперу.

Не чувствую театра, хорошую оперу не напишешь. И работа в театре Вахтангова в этом смысле дала мне очень многое.

Та настоящая театральность, которая есть у вахтанговцев, развила во мне и укрепила чувство театра.

За это благодарен.

Желаю театру много-много хороших постановок.

ТИХОН ХРЕННИКОВ.

Дорогие товарищи,

театр имени Евг. Вахтангова я люблю той, несколько сентиментальной любовью, какой люди любят весну, детей, молодость. Поэтому, размышляя о пятнадцатилетии этого театра, я не нахожу в себе способности критически видеть пройденный театром путь. И плакала на спектакле «Конвертиа и любовь», не менее семи раз приходила смотреть «Егора Булычева», три раза с одинаковым восхищением видела «Интервенцию», очень люблю «Человеческую комедию». В других театрах я ценю отдельных актеров, у Вас мне дорог весь коллектив. Мне кажется, что плохих актеров у вас нет. Это не лесть, я лестности не подвержена. Это — мое индивидуальное человеческое ощущение. Работа с Вами дала мне много. Пока еще я весьма слабый драматург. Но если в этой области я заслужу отзыва «хорошо», — это будет следствием нашей общей работы над пьесой «Виринея».

В день Вашего праздника приношу Вам самые лучшие пожелания и горячо приветствую Вас. Приветствую, как плененный зритель, как благодарный автор и как любящий человек.

Л. СЕЙФУЛЛИНА.

* * *

Стиль вахтанговского театра

В день пятнадцатилетия вахтанговцев мне было бы гораздо легче и приятнее поделиться своими впечатлениями от их удач и срывов, чем рассуждать об их путях.

Зритель наслаждается или негодует, в том и другом случае ему не хочется убивать свежесть своих эмоций их анализом. В такой непосредственности писания о театре есть свои прелесть и своя правда. Театральное искусство конкретно более других искусств.

Но юбилей обязывает к обобщениям и формулировкам. Тем более в данном случае. Ни об одном театре не отзывались так сбивчиво и противоречиво, так эмоционально, как о вахтанговском, хотя все ощущали его силу, его своеобразие и его бесспорные успехи. Причина обилия мнений о нем при всех явных симпатиях к нему, а иногда и неприязни, заключается в том, что этот театр еще в большей степени эмоционален, чем другие театры. Своей неудачливостью, своей подвижностью он заражает аналитика, выбивая из его рук его теоретизадии. Его основатель Евг. Вахтангов не спешил ограничить специфичность своего театра строго сформулированными принципами актерского ремесла и презрел отсталый репертуар. Театр этот начинал не для того, чтобы на примере доказывать правильность уже отстоявшейся системы, как то бывало при возникновении других театров.

Правда, он получил от своего ближайшего предка хорошо обдуманное теоретическое наследие: Художественный театр разбил постановочные шаблоны, отшлифованные поколения, замороженные актерские амплуа, и вместо трупов, где механически соединялись актеры первых ролей и неподвижные статисты, создал подлинный театральный коллектив, для которого каждый третьестепенный персонаж пьесы и каждый предмет режиссура был не менее важен, чем какой-нибудь первый любовник. Фальшивый театральный аристократизм с его культом сценического героя кончился. Этот принцип коллективности, коллективной ответственности вахтанговцы развили и укрепили. Они отказались от другого принципа художественников: от медлительности действий, связанной с красноречивой, но тяготящей вещественностью постановки. Вещи давили своим натуралистическим правдоподобием, которое однако долгое время было столь убедительно, что мне иногда казалось, будто театру некуда больше итти. Вот в этом то пункте вахтанговцы и взорвали систему, доставшуюся им по наследству. Они вернулись к условному театру, оставшись реалистами. В пьесе Гоцци, которая сама по себе бедна, они вскрыли традиции старинного народного театра, для которого подвижность и легкость действий являются основой.

Ведь условный театр можно было понимать по разному. Одни считали, что на смену системе художественников должен прийти театр, постоянно поражающий зрителя неожиданными выдумками, обязанный трактовать пьесу, как можно более необычно. Эта трактовка была блестательной, но блеск оставался холодным, умственным. Другие считали необходимым вернуться к котурнам и декламации. На короткое время и это могло оказаться интересным. В противоположность и тем и другим вахтанговцы играют просто, характеры они строят реалистически, только без чрезмерной иронизировки, обстановки они доводят до неизбежного минимума, иногда, однако, не прибегая к выхолощенной до стилизации. Это та мера театральности, при которой спектакль движется быстро и смотрится чрезвычайно легко. Пьеса, потребовавшая длительной работы, производит впечатление импровизации, возникшей внезапно с той непринужденной игрою ума, которая доступна только молодости

Конечно, и у вахтанговцев бывали поверхностные увлечения парадоксом, конечно, порою мудрили и они, иногда и у них частностями закрывалось целое. Но что бы они не ставили, пьесу о Беломорском канале или пьесу столетней давности они создавали свой стиль, театральный, насыщенный характерностью и подвижный, в той степени условный, в какой должна быть условной реальность на сцене. Этот стиль, не лишая индивидуальных особенностей каждого актера, сплавил их всех в многообразный и единый коллектив, ничуть не состарившийся за протекшие 15 лет. Вахтанговцам присуща творческая молодость, характернейшая черта всей советской культуры. В этом смысле знаменательно высокое звание, присвоенное протагонисту вахтанговцев Б. В. Щукину, самому молодому из актеров РСФСР, получившему звание Народного артиста СССР.

Б. ГРИФЦОВ.

Редакция благодарит: А. Д. КОЗЛОВСКОГО, В. К. ЛЬВОВУ, З. К. БАЖАНОВУ, принявших участие в собирании материала для данного номера. Номер оформлен Н. П. МЕЛЬНУПЕ.

Фридо=х Вольф

Пережитое на репетициях

С 1919 года я присутствовал на многих репетициях моих пьес в западных странах и в советском Союзе.

На Западе драматургическое произведение образует основу спектакля и каждой работы режиссера и актера. Совершенно немыслимо в немецком, американском, французском театре перетасовать сцены и выпускать целые картины в пьесе. После точной договоренности с автором и актерами, режиссер репетирует пьесу соответственно драматургическому направлению каждой сцены. Одна картина следует за другой, чтобы сохранить общее напряжение пьесы согласно драматургической и идейной целеустремленности.

На репетициях в советских театрах я познакомился впервые с системой «кусков», которая образовалась из учебной системы Станиславского. Это делает возможным для русских режиссеров, после основательной проработки каждого куска, репетировать одну сцену из первого акта и затем, минуя второй, переходить к заключительной сцене 3-го акта.

Нам, западным драматургам и театральным работникам, представляется сначала этот метод работы чудовищно тревожащим и смелым. Моим друзьям в советском Союзе приходилось постоянно усаживать меня обратно в кресло, с которого я вскакивал, так как каждую секунду из моей пьесы выпадали самые важные части.

Я видел, так сказать, только руки и ноги, конечности сцен, порознь плавающие в воздухе.

К репетициям «Флориндсрфа» я должен был себя также приучать. Я чувствовал сначала непрерывное напряжение действия не только в отдельных сценах. Я видел исключительно художественную работу с актерами и над деталями. Но я не мог почувствовать общей драматургической целеустремленности. Это меня необычайно тревожило. Должен сказать — я вообще нигде не испытывал таких прямо таки физических страданий, как на репетициях моих пьес. Я кляпусь себе постоянно в таких случаях, никогда больше пьес не писать, писать только романы и новеллы пая еще лучше вернуться к моей первоначальной, уважаемой, относительно безопасной профессии врача.

Между нами говоря, — эти мрачные мысли запали на меня на последней репетиции, когда я сидел рядом с тов. Глазуновым и адский танец «кусков» кружился передо мной на сцене. «Никогда больше не писать пьес! Быть отданным во власть своих врагов! Так как нет более жестокого врага, как режиссер, который режет на куски твою внутреннюю жизнь, твою пьесу, чем актер, который понимает тебя совершенно наоборот и прямо таки издевается над тобой под умасно преувеличивающим на прожекторами. Бежать! В колхоз! На Волгу! Никогда больше не браться за перо, чтобы писать пьесы. Стать приличным человеком! Ой

Но что это такое? Откуда эти замечательные звуки? Захватывающий голос человека, который говорит со сцены тонущим и голос другого, который страдает отчаяния. Не есть ли это тоже собственный голос? Возможно. Он звучит с этой проклятой сцены, где без тобой изменяется, тебя оскорбляют, обижают. Невозможно. Там, наверху, в пустеющей сцене стоит тов. Симонов — или это Шаин из Флориндсрфа, — он он говорит замученным заключенным в полутьме, отчаянишим товарищам, что в самом глубоком поражении и отчаянии необходимо бороться, и можно бороться, что нет конца борьбе, пока человеческий мозг еще тужает о великом деле, пока в человеческом сердце живет великое дело пролетариата... И один за другим товарищи вновь обретают мужество. Макс, коммунист, развивает мысль дальше, искра уже превращается в пламя, когда входит фашистский офицер. Все заключенные — один за другим — поднимаются и защищают слабого товарища. И когда фашистский палач приказывает вести на смерть заключенного Кинцла мимо тюремной камеры, там, в камере смертников концентрационного лагеря бесстрашно стоят единым фронтом «безымянные» заключенные, готовые к будущей битве.

Этот последний момент, когда Симонов-Шаин вырывает заключенного из глубочайшего отчаяния и зовет их к новой борьбе на более высокой ступени, когда товарищи стоят плечом к плечу перед разбушевавшимся офицером... этот момент помирил меня со всеми предыдущими огорчениями. этот момент был триумфом подлинного театра, был триумфом режиссеров и актеров, здесь понял я специфическое волшебство театра, который может годы жизни тысячи людей показать с помощью десяти человек в два-три часа.

Мы еще находимся в периоде репетиции и исполнение каждого куска — битва с сотней различных фаз и меняющихся случайностей. Но, смотря эту единственную сцену, эту сцену в тюрьме, я больше не жалел о том, что написал «Флориндсрф». За эту сцену прежде всего я благодарю вахтанговский театр, режиссеров и актеров, особенно тов. Симонова. Плох тот художник, который не отчаивается вновь и вновь в своей работе, чтобы подняться к новой и по возможности лучшей. Театр Вахтанговца, благодаря своей большой художественной мощи, дал мне новую сильную веру в театр и в мою будущую работу. Я знаю достаточно дабы работу вахтанговского театра и дабы из дневников необыкновенную педагогическую художественную работу его основателя, чтобы эта благодарность сегодняшнему коллективу не была связана самым тесным образом с глубочайшей благодарностью великому художнику театра, чье имя он по праву носит. Я приветствую от всего сердца в достижениях сегодняшнего вахтанговского театра его первого создателя, незабываемого художника **Евгения Вахтангова.**

В виду ограниченности места остальной материал будет помещен в следующем номере.

Отв. редактор Г. Х. ЕГИАЗАРОВ.

Уполномочен. Мособлгорлита № 39166.
Заказ № 2467. Тираж 600 экз.
Тип. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК».